

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Финансового университета Д 505.001.105, д.э.н., профессора Ореховского Петра Александровича на диссертацию Хаустовой Марины Владимировны на тему «Тенденции распределения выгод экономического роста в современной России» представленную на соискание учёной степени кандидата наук по научной специальности 5.2.1. Экономическая теория

Хаустова К.В. представила диссертацию на тему: «Тенденции распределения выгод экономического роста в современной России» на соискание учёной степени кандидата наук к публичному рассмотрению и защите по научной специальности 5.2.1. Экономическая теория.

Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.2.1. Экономическая теория:

п. 1.1. Политическая экономия: структура и закономерности развития экономических отношений,

п. 1.3. Макроэкономическая теория: теория экономического роста.

Актуальность темы. Взаимосвязи между распределением доходов и экономическим ростом национальной экономики — проблема, которая возникает ещё в 19 в., остаётся дискуссионной на протяжении всего 20 в., и, по большому счёту, не имеет однозначных решений и сейчас. Учитывая достаточно высокую дифференциацию доходов и имущества в России, часть экономистов полагают, что это тормозит экономический рост; однако есть и прямо противоположные точки зрения, основанные на том, что в России рост заработной платы периодически опережает рост производительности труда, причём последнее приводит к инфляции, а не к снижению бедности. Таким образом, тема работы является *актуальной*.

Научная новизна и значимость полученных результатов. Автор использует традиционный социал-демократический подход, предполагая, что увеличение эгалитарности приведёт к существенному росту потребительских расходов и совокупного спроса в целом, что в соответствии с ортодоксальными кейнсианскими представлениями повлечёт и ускорение экономического роста. При этом мультипликатор одномоментного прироста потребительских расходов за счёт выхода части домохозяйств из-за «черты бедности» оценивается в 1,08, при этом ожидаемое увеличение ВВП составит всего 0,04% (табл. 11 на с. 137 диссертации). Аналогичным образом оценивается и ожидаемое мультиплицирование экономического роста за счёт увеличения расходов на здравоохранение в 2018–2024 гг.: прирост ВВП будет составлять от 0,15 до 0,13%, за счёт финансирования образования — от 0,25 до 0,15% (табл. 10 на с. 135 диссертации).

Стоит отметить также вывод соискателя, что при сохранении действующих тенденций доля доходов и имущества верхнего дециля домохозяйств будет увеличиваться наряду с сокращением «среднего класса» в связи с его переходом в категорию бедных. Такой вывод имеет большую значимость, правда, скорее не для экономистов, но для политиков. Очевидно, что такое увеличение дифференциации представляет определённую угрозу для политической стабильности в России.

Обоснованность и достоверность выводов.

Обоснованность и достоверность выводов я оцениваю как *среднюю*. Дело в том, что в работе К.В. Хаустовой есть много «слепых пятен», которые, по-видимому, отчасти связаны с

тем, что она несколько поверхностно подошла к изучению трудов предшественников, отчасти — с характерной для многих российских сегодняшних экономистов социал-демократической ориентацией.

Конкретнее, в обзоре литературы отсутствует Джон Стюарт Милль, который, по-видимому, одним из первых связал эгалитарное распределение доходов с экономическим ростом. Нет и мнения В. Парето, который вывел «естественный закон», в соответствии с которым более 50% выгод от экономического роста достаётся «верхним» 20%. Однако более существенным является игнорирование позиции М. Фридмана, подвергавшего критике «психологический закон» Дж. Кейнса и предложившего функцию потребления, связанную с концепцией постоянства жизненного дохода Ф. Модильяни. Если использовать эту функцию, то снижение предельной склонности к потреблению у богатых и средних домохозяйств является временным — оно наблюдается в начальном периоде, когда они делают сбережения на будущее. Если согласиться с позицией Фридмана, то идея о связи экономического роста с распределением доходов становится некорректной.

Также некорректной мне представляется оценка дифференциации только на основе «потоков», т.е. текущих доходов российских домохозяйств. Проблема российской бедности является сложной, и в ней нужно обязательно учитывать региональные аспекты. Так, автор указывает: «наименьшее отношение доли населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы, установленной на уровне 60% от медианного среднедушевого дохода к доле населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, наблюдается в Республике Крым, Карачаево-Черкесской Республике, Еврейской автономной области, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Алтай, Республике Калмыкия, Республике Ингушетия» (с. 18 автореферата). Напрашивается вывод, что это — самые бедные регионы. Однако если сравнить не доходы, а доступность важнейших благ и запасы накопленного имущества, всё выглядит совсем не так. Возьмём, например, 2016 г. (данные Росстата):

	В среднем по РФ	Крым	Карачаево-Черкессия	ЕАО	Кабардино-Балкария	Алтай	Калмыкия	Ингушетия
Удельный вес общей жилой площади, оборудованной, % ¹⁰⁰								
водопроводом	81,9	84,8	78,8	62,1	92,2	44,6	56,1	97,6
газом (естественным, сжиженным)	66,3	88,0	83,8	67,5	95,5	53,0	98,7	99,3
ваннами (душем)	69,5	66,0	52,5	57,4	82,4	26,4	46,3	80,2
Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах, на 100 домохозяйств, штук								
Телевизоры	193	161	166	188	176	157	133	100
Мобильные телефоны	245	238	302	233	351	224	285	373
Холодильники, морозильники	132	120	127	135	129	139	130	101
Стиральные машины	100	98	98	101	101	99	101	98
Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, штук								
2016	294,0	48,9	205,9	211,2	236,8	253,2	298,6	165,9

Эти данные, на мой взгляд, свидетельствуют:

- 1) по многим видам запасов домашнего имущества и благоустройству жилищ так называемые «бедные регионы» зачастую оказываются богаче, чем в среднем по России;
- 2) в каждом регионе есть своя история и «профиль» бедности. Скажем, трудно объяснить, почему Ингушетия так сильно отстаёт «по телевизорам», одновременно сильно опережая средний российский уровень «по мобильным телефонам»;
- 3) общий вывод о росте социальной дифференциации в России недостоверен. Доходы и имущество верхнего дециля домохозяйств связаны с обладанием *капиталом*

(собственностью), приносящим доход, что же до обычного, конечного потребления, то ориентироваться по данным о тех, кто имеет доходы ниже 60% от медианного дохода, некорректно. Скорее, имеет место демонстративное потребление только 1%, что бросается в глаза. Собственно, именно об этом и пишет К.В. Хаустова (см. график на с. 20 автореферата).

Замечания и возражения.

На с. 59 своей диссертации автор приводит известную кривую Кузнецца, однако не ставит перед собой вопрос, на каком участке этой кривой находится российская экономика. А это принципиальный вопрос. Если мы находимся на «восходящем участке», то попытка добиться эгалитарного распределения доходов будет *тормозить, а не ускорять рост*, что полностью противоречит основной гипотезе диссертации.

На самом деле российские власти довольно много делают в отношении социальной защиты, включая программы материнского капитала, повышения пенсий и пособий, индексации зарплаты в государственном секторе. Проблема российской экономики, на мой взгляд, не столько в низких темпах увеличения (или даже падении) доходов населения, сколько в низкой (а в отдельных секторах и снижающейся) производительности труда. Путём налогообложения, выплаты доходов и субсидий можно добиться большей эгалитарности, но в целом опережение темпов прироста дохода над темпами прироста производительности будет приводить только к инфляции. И результатом будет рост бедности, а не её снижение.

Но в этом отношении у соискательницы учёной степени существует (впрочем, как и у большинства исследователей с «левым уклоном») слепое пятно: анализ соотношения темпов роста производительности и доходов полностью выпал из её внимания. Любопытно, что её *собственные расчёты как раз и демонстрируют ограниченность возможностей по борьбе с бедностью*: если одномоментные выплаты, ликвидирующие бедность, дают всего лишь 0,04% роста ВВП, вряд ли такое мероприятие должно быть среди приоритетных мер экономической политики.

Общий вывод по работе.

В целом работа оставляет сложное впечатление. Однако учитывая общие критерии оценки кандидатских диссертаций и предъявляемые к ним требования, я склоняюсь *скорее к положительной оценке работы*. Тем не менее при голосовании «за» и/или против присуждения учёной степени кандидата наук К.В. Хаустовой я, безусловно, буду принимать в расчёт как умение соискательницы к представлению и отстаиванию своих научных результатов, так и её способности к восприятию критической аргументации.

(17 декабря 2022)
(личная подпись)
Ореховский Петр Александрович
д.э.н., профессор

науч